«Лежит доска, на ней тоска»

Тоска в любовных заговорах

© *А.Л. ТОПОРКОВ,*
доктор филологических наук

В русском фольклоре известен антропоморфный образ Тоски. В любовных заговорах Тоска описывается как самостоятельный персонаж, который насылается на женщину, чтобы вызвать у нее тоску по мужчине.

Ключевые слова: *любовные заговоры*, *магические тексты*, *тоска*, *депрессивные состояния*, *олицетворение*.

В языке русского фольклора существительное *тоска* входит в богатый синонимический ряд слов, обозначающих депрессивные состояния: *горе*, *грусть*, *кручина*, *печаль*, *скорбь*, *скука*, *сухота*, *туга*, *уныние*. Особый интерес представляет то, что в любовных заговорах Тоска персонифицируется и выступает как имя персонажа. При этом у существительного меняются грамматические характеристики, например, в записях первой половины XIX века зафиксированы формы множественного числа: «И в том чистом поле попадут мне навстречу *три тоски* тоскующие, *три тоски* сухующие и *три тоски* не усыпающие. И те *три тоски* тоскующие, *три тоски* сухующие и *три тоски* не усыпающие падут к рабице Божией (имярек) в ретивое сердце...» [1. 1908. Вып. 1. № 45. С. 34–35. Курсив здесь и далее наш. – *Л.Т.*]; «...на той доске сидит *три тоски* тосковыя, горевыя и плачевныя» [2. № 21. С. 695]; «...под тем под белым Алатром камнем лежат три доски, а под теми досками *три тоски тоскучия*, три рыды рыдучия» [3. № 14. С. 14]; «...на каждой доски *три тоски*; первая тоска убивалася, с телом расставалася; вторая тоска убивалася, с телом сопрягалася; третья тоска убивалася, в сердце вошла» [Там же. № 15. С. 14–15]; «Спушшу я, раб Божий, на бабную Божью девицю (имярек) три тоски тоскуциё, три сухоты сухотушшиё, три жалбы жалбущиё...» [1. 1908. Вып. 2. № 101. С. 85].

В некоторых текстах появляются даже 33 тоски, например: «...на том камне устроена огнепалимая баня; в той бане лежит разжигаемая доска,

а на той доске *33-ри тоски*, и бросаются тоски из стены в стену, из угла в угол, от пола до потолка» [4].

В начале присушек Тоска чаще всего лежит или сидит на доске (реже – под доской). Эта доска, как правило, расположена в бане, которая находится «на море-окияне, на острове на Буяне» [2. № 2. С. 333] или «на море на кияне, на острове на Буяне, на камне Латыре...» [5. С. 171]. Такую локализацию можно понять по-разному: либо тоска моется и парится в бане, либо она просто заперта в ней. В любом случае появление бани в любовных заговорах не случайно.

Несколько реже, чем баня, в текстах фигурирует изба, например: «На море на кияне стоит изба, в той избе лежит таска...» [Там же. С. 134]. Иногда доска просто лежит «в окияне море» [Там же. С. 103] или «на поганом море» [6].

Доска может располагаться в бане, на море, в избе; кроме этого, мы видим ее дополнительно и в других местах: в печи, на камне, в гробу, под дубом. И баня, и изба описываются иногда как дом без окон без дверей, в чем можно видеть влияние сказок: «На море на окиане, на острове Буяне стоит там *изба без верху, без потолка, без окон, без дверей*. В той избе лежит доска, на той доске сидит три тоски тосковыя, горевыя и плачевныя» [2. № 21. С. 695]; «...в цистом поли, в шыроком раздольи стоит огненная, горецяя байна, и *в этой байны нету ни двирей, ни окон, ни просветлых лавок*; середи байны лёжыт доска, а на доски тоска...» [7. № 168. С. 220]. Такая баня напоминает то ли гроб, то ли избушку сказочной Бабы Яги.

При условном делении текста на стихи слова *тоска* и *доска* могут занимать конец строки; их соотнесенность подчеркивается рифмой и синтаксическим параллелизмом, например: «...в избе из угла в угол лежит *доска*, / на *доске* лежит *тоска*» [8. № 8. С. 141].

Слова *тоска* и *доска* иногда «склеиваются», что может приводить к затемнению смысла или даже к такой ситуации, когда *доска* персонифицируется и сама начинает вести себя как Тоска. Взаимозамена слов *тоска* и *доска* могла произойти в результате описки переписчика либо при записи текста под диктовку из-за ошибочного восприятия на слух. Учитывая почти полную идентичность слов *тоска* и *доска*, можно предполагать, что их смешение в отдельных контекстах имеет сугубо артикуляционный характер, как в скороговорках. Впрочем, поскольку такие описки неоднократно встречаются в разных рукописях, они сами по себе симптоматичны.

В заговоре из следственного дела 1718 года *доска* устойчиво фигурирует на том месте, которое, по логике текста, должна занимать *тоска*: «Есть в окияне море лежит медная *доска*, на той медной *доске* лежит медная *доска*, вьетца извиваетца, к медной *доске* прижимаетца, и вы две *доски*, заря Марья, зоря Маремьяна, возмите тое *доску*...» [5. С. 103]. В данном тексте «доской» названа не только тоска, но и две зари – Марья и Маремьяна.

В недатированной записи из Холмогорского у. *доска* появляется на месте *тоски* спорадически: «...в избе из угла в угол лежит *доска*, на *доске* лежит *тоска*. Я той *доски*(!), раб Божий имярек, помолюся и поклонюся: о, сия *тоска*, не ходи ко мне...» [8. № 8. С. 154]. Этот случай скорее всего объясняется опиской.

Доске могут приписываться те же атрибуты и действия, что и Тоске: например, и та и другая могут гореть. В «черном» заговоре из старинной рукописи доска и тоска заменяют друг друга в рамках отрицательного параллелизма: «...и дрова горят дубовыя, и *доска* горит железная; это не *доска* горит, а это горит *тоска* рабы имярек» [9. С. 337]. «Отреченный» характер происходящего акцентирован тем, что действие заговора приурочено к ночному времени; «черная баня» располагается посреди «черного моря».

И доска, и тоска могут лежать в избе из угла в угол, например: «На море на кияне стоит изба, в той избе лежит *таска* – из угла в угол, из стены в стену...» [5. С. 134], «...в избе из угла в угол лежит *доска*, на *доске* лежит *тоска*» [8. № 8. С. 154]. В тех случаях, когда тоска целиком занимает всю избу, в которой она находится, можно думать, что имеется в виду покойник в гробу.

В любовных заговорах слова *тоска* и *доска* сближаются не только формально и ситуативно, но и в символическом отношении. *Доска* может обозначать крышку гроба или одну из тех досок, из которых он сколочен, а также надгробную плиту [10]. Выражение *до гробовой доски* употребляется в заговорах со значением *до смерти*: «...сохнула б и горела и тосковала по мне, по добром молотцы (имярек), такой-то кровью и волосом *до гробной доски*» [2. № 4. С. 371]. И доска, и тоска могут локализироваться в гробу: «...*в тех гробах три доски*, на каждой доски три тоски...» [3. № 15. С. 14].

Иногда тоска располагается под доской, напоминая погребенного заживо: «На море на кияне, на острове на буяне, там стоят 12 дубов, у каждова дуба 12 корней. Под этими корнями лежит чугунная *доска*, под той *доской* лежит имрекова *тоска*...» [11]; «Лежит *доска*, а *под этой доской лежит тоска*. Вложите вы эту тоску в раба (и.р.), чтобы он меня любил, чтобы он за мной ходил, по моим следам, по моим стопам» [12]; «...пришла к синему морю. Там лежит *железная доска*, *под доской лежит горячая тоска*. Тоска, тоскующее синее море! Прошу тебя, сделай так, чтобы раб Божий Иван тосковал и горевал о рабы Божьей...» [13] – записано в 2983 году.

Состояние тоски сравнивается со смертью и рисуется иногда как что-то вроде агонии (ср. выражения: *умирать от тоски*, *смертельная тоска*): «...по мне бы всегда *тосковалася*, сердцем со мной сопрягалася, *сохла бы да не умирала*, в еде бы тоски не заедала, в пойле не запивала, *от первыя тоски не положила бы руки*, а век бы меня поминала, сохла бы да тосковала» [3. № 5. С. 14–15]; «...дайся по мне, рабе Божием (им-

рек) в тоску-печаль; как удавшему (удавленнику) в петле, так бы рабе Божией (имярек) было тошно по рабе Божием (имярек); как утопшему в море, так бы рабе Божией (имярек) было тошно по рабе Божием (имрек) – как душа с телом расстается, во веки – аминь» [14].

Встречается в заговорах и выражение *смертная тоска*: «Возьмите от меня, раба Божия, тоску, и сухоту, и черну печаль... то бы раб Божий не мог бы без меня, рабы Божий, жить и не быть, и не пил бы и не ел бы, *смертной тоской тосковал бы*, той тоски не мог бы хлебом заись (есть), не питьем запить, не в бани замыть...» [15].

Состояние тесноты, сдавленности, в котором находится тоска, парадоксальным образом сочетается с конвульсивными, беспорядочными движениями. Тоска тоскует и горюет, мечется, убивается, горит, «вьетца извиваетца, к медной доске прижимаетца» [5. С. 103], «...мечится... из огня во огонь, из пламя в пламя...» [Там же. С. 172]; «...бросаются тоски из стены в стену, из угла в угол, от пола до потолка...» [4]; «На той доске новой, дубовой лежит тоска тоскующая, сухота, сухота сухотущая, *бьется руками и ногами о стену, головой – о лавку*» [1. 1908. Вып. 1. № 56. С. 45]; «...*бросалась* бы тоска в ночное окошко, в полуденное окошко, в денное окошко...» [3. № 27. С. 20]; «...на той доске вложена тоска... *плачет, воет, бьется, хлещется*...» [16]; «...середи байны лёжыт доска, а на доски тоска, *и плацё, и рыдаё и г земли припадаё*» [7. № 168. С. 220]; «...на этой доске 33 тоски: *мечутца тоски, бросаютца тоски, кидаютца, через пути-дороги переступают, по воздуху оне топором мечутца*...» [17. С. 9]; «На море на Окияне, на острове на Буяне лежит доска, на этой доске лежит тоска. *Вьетца тоска, увиваетца тоска с доской в воду, из воды – в полё*...» [Там же. С. 9–10]; «На море на океане, на острове на Буяне лежит *тоска, бьетца тоска, убиваетца тоска, с доски в воду, из воды в полыме*...» [18].

В отсушке середины XVIII века тоска сравнивается с горностаем: «Как далече, в чистом поле, *мечитце белой горносталь* меж темные лесы, – *так бы металась та черная остудная тоска* промеж меня, раба Божия (имярек)» [1. 1909. Вып. 2. № 29. С. 35].

В присушке начала XX века из Пермской губ. тоска мучается в огне, как грешник в аду: «В чистом поле стоит баня, в этой бане пылает пламе от земли до небес. За этем пламем лежит тоска тоскушшая, сухота сухотушшая, *бьет рука об руку, нога об ногу и кричит безжизненным голосом*: "*Кто бы мине пособил*! *Кто бы миня воротил*!"» [17. С. 20]. Выразительный образ тоски рисуется в заговоре, переписанном в 1734 году: «И есть на поганом море доска, а на той доске седит сама тоска, *без рук, без нок, без глаз*, а сама плачет, тоскует и горюет по ясных очах и по белому свету» [6].

Таким образом, тоска сочетает в себе черты демонического антропоморфного существа, зверя и природной стихии (ветер, огонь), напоминая то ли затравленного зверя, то ли женщину в состоянии истерики.

Она подвижна, агрессивна, лишена телесной определенности, способна проникать в человеческое тело и даже в его внутренние органы.

Любовные заговоры XVII–XVIII веков – это по большей части рукописные тексты, с помощью которых мужчины пытались овладеть женщинами не для того, чтобы жениться на них и завести семью, а для того, чтобы овладеть ими и получить удовольствие без каких-нибудь матримониальных планов. Если мужчина хотел жениться, то он обращался к свахе, а не к магическому специалисту. Стратегия заговора заключалась в том, чтобы женщина безоглядно влюбилась в мужчину, забыла свою семью, стыд и честь и подчинилась его воле: «И чтоб она *тосковала и горевала* по мне рабу (имярек) до тех пор, *пока она ко мне послушна будет во всем*» [5. С. 172].

В положении женщины, на которую наслана тоска, можно выделить две составляющие: одна из них связана с ее собственным болезненным состоянием, а другая – с теми чувствами, которые направлены на мужчину. Тоска проявляется в заговорах как тревога, подавленность, эмоциональный стресс, фиксация на объекте своей страсти, полная отрешенность от внешнего мира, невозможность общаться с окружающими, контролировать свое состояние и поведение, вести обычную повседневную жизнь.

Женщина, на которую насылается Тоска, сама как бы превращается в эту Тоску: мечется в поисках объекта своей страсти, лишается дара речи; привычный жизненный уклад теперь кажется ей смертью, а дом – могилой. Хотя Тоска обреталась где-то на доске в море-океане или была заперта в избе или бане, а женщина окружена родными и близкими, она должна почувствовать такое же одиночество и вести себя столь же асоциально, как сама Тоска.

Тоска может быть рассмотрена как проекция болезненных переживаний субъекта заговора, вызванных его неудовлетворенными желаниями. Стремясь освободиться от тревоги и страха, человек объективирует их в образе тоски, а также приписывает ей отталкивающие черты и сближает с образами, связанными со сферой смерти. Тем самым он не только освобождается от тоски, но и убеждает самого себя в том, сколь непривлекательно такое состояние. На следующем этапе из «жертвы» тоски имярек превращается в ее повелителя, насылая тоску на ту женщину, которой хочет овладеть. Человек не просто избавляется от тоски, но пользуется ее персонифицированным образом как инструментом для достижения собственных эгоистических целей.

Состояние тоски и ее персонифицированный образ исключительно важны для любовных заговоров. Вырастая на границе сознательного и бессознательного, этот образ демонстрирует тесную связь психического и телесного, патологических состояний человеческого организма и поведения индивида.

Образ тоски в заговорах XVII–XVIII веков достаточно неоднозначен. Тоска устойчиво ассоциируется со смертью, злом и страхом, с теснотой,

узким, замкнутым пространством, отсутствием окон и света, с ощущениями ужаса, безысходности и тошноты. В то же время тоска осмысляется как любовная страсть и связывается со стихиями воды, ветра и огня.

Тоска представляет интерес как одно из немногих персонифицированных состояний, фигурирующих в русских заговорах (встречается также персонификация жажды). Данный персонаж всегда имеет одно и то же имя *тоска*, хотя и в присушках, и в лечебных заговорах от тоски, и в описании болезней в лечебниках встречаются синонимические обозначения депрессивных состояний (*кручина*, *печаль*, *скорбь*, *сухота*, *туга*).

Тот факт, что из ряда синонимов в заговорах была персонифицирована именно *тоска*, а не *скука*, *кручина* и т.д., в значительной степени обусловлен широким бытованием этого слова в народной речи, а также его семантической структурой и «поведением» в языке. Закреплению слова *тоска* в заговорах способствовала и его паронимическая связь со словом *доска*.

Можно сказать, что *тоска* как персонаж реализует на сюжетном и акциональном уровнях те скрытые смысловые потенции, которые заложены в языковом концепте слова *тоска*. По-видимому, составители заговоров следовали логике, подсказанной самим языком. В частности, в том состоянии тесноты, подавленности, сжатости, в котором находится тоска в начале текста, заманчиво видеть актуализацию архаической основы **tъska* – давление, стеснение, теснота. Возможно, сыграла свою роль этимологическая и паронимическая связь слова *тоска* со словами *тощий*, *истощить*, *тошно*, *тошнота*, *теснить*.

Тоска изображается в заговорах как символ предельного одиночества и богооставленности. Весь окружающий мир умирает для человека, а сам он умирает для этого мира. Женщина ощущает себя чужой в своем доме и среди своих родных и знакомых или, быть может, даже заживо заключенной в гробу. Необходимость оторваться от своего рода-племени переживается драматически, как состояние агонии.

Заговоры XVII–XVIII веков позволяют яснее осмыслить языковой концепт тоски и предысторию образа тоски в русской поэзии XIX–XX веков [19].

Литература

1. *Виноградов Н.* Заговоры, обереги, спасительные молитвы и проч. (По старинным рукописям и современным записям). СПб., 1908–1909. Вып. 1–2.

2. Русские заговоры из рукописных источников XVII – первой половины XIX в. / Сост., подг. текстов, статьи и коммент. А.Л. Топоркова. М., 2010.

3. Великорусские заклинания: Сборник Л.Н. Майкова. СПб. – Париж, 1992.
4. Несколько заклинаний // Русский филологический вестник. 1896. Т. 35. № 1. С. 21.
5. Заговоры и гадания из судебно-следственных материалов XVIII в. (Публикация Е.Б. Смилянской) // Отреченное чтение в России XVII–XVIII веков. М., 2002.
6. *Покровский Н.Н.* Тетрадь заговоров 1734 года // Научный атеизм, религия и современность. Новосибирск, 1987. С. 262.
7. *Мансикка В.Н.* Заговоры Пудожского уезда Олонецкой губернии // Sborník filologický. Vydává III Třida Českе Akademie věd a umění. Sv. 8. Č. 1. Praha, 1926. S. 220.
8. *Ефименко П.С.* Материалы по этнографии русского населения Архангельской области. М., 1878. Ч. 2 (Тр. Этногр. отд. Имп. О-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии при Моск. ун-те; Т. 30; кн. 5; вып. 2).
9. *Соколов А.* Заговоры // Изв. Общества археологии, истории и этнографии при имп. Казанском университете. Казань, 1892. Т. 10. Вып. 3. С. 337–338.
10. Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1977. Вып. 4. С. 329.
11. Несколько народных заговоров // Летописи русской литературы и древностей. 1863. Т. 5. Отд. III. № 2. С. 111–112.
12. Нижегородские заговоры (В записях XIX–XX веков) / Сост., вступ. ст. и коммент. А.В. Коровашко. Нижний Новгород, 1997. № 171. С. 45.
13. Традиционный фольклор Новгородской области / Изд. подг. М.Н. Власова, В.И. Жекулина. СПб., 2001. № 487. С. 285.
14. Несколько народных заговоров / Сообщены А.Н. Афанасьевым // Летописи русской литературы и древности. М., 1862. Т. 4. Отд. III. № 2b. С. 75–76.
15. Песни, собранные П.Н. Рыбниковым. Петрозаводск, 1990. Т. 2. С. 251.
16. *Первушин П.* Суеверия села Катайского Камышловского уезда // Зап. Уральского общества любителей естествознания. Екатеринбург, 1897. Т. 17. Вып. 2. С. 331.
17. *Серебренников В.Н.* Народные заговоры, записанные в Оханском уезде, Пермской губернии. Пермь, 1918.
18. *Лосев Л.* Заговоры народные, записанные в Кунгурском округе // Кунгурско-Красноуфимский край. 1925. № 2. С. 20.
19. *Пеньковский А.Б.* Нина. Культурный миф золотого века русской литературы в лингвистическом освещении. М., 2003. С. 217–222.

Институт мировой литературы РАН